

Благочестивые святотатцы

Случилась кража... Пропало не только государственное имущество, находившееся в пользовании-аренде у группы лиц. Украдены были вещи из драгоценных металлов, более двадцати предметов русского прикладного искусства, в том числе несколько мемориальных, с памятными надписями. Для науки, для истории русской культуры потеря казалась невозполнимой. Горько было!

Но прошло два-три дня, и ценные вещи нашлись, да ещё с «привесом». Славно поработали милиция и помогавший ей народ. Сейчас идёт следствие, и помня, что предрешать его результаты закон запрещает, рассмотрим свершившиеся факты, оглянувшись назад.

В селе Троицком стоит церковь, построенная в 1764 году. Она не действует более трёх десятков лет, но «двадцатка» упорно держится за неё, уповая, что ей удастся открыть здесь приход. Церковь наполнена всем тем, что должно там быть: иконами, утварью, одеждами, книгами. Причём всё это не обыденное. Утварь — изумительные творения безвестных русских мастеров XVIII века из серебра, одежда — богатейшие ткани, расшитые переславскими женщинами 150—200 лет тому назад, книги — московских изданий рубежа XVII—XVIII веков. Кроме того, в церкви хранился богатейший архив, рассказывающий о крестьянском быте троицкого прихода, о тех подневольных тружениках, которые попали в крепость к купцам Угримову и Куманиным, державшими в Троицком бумажную фабрику, едва ли не первую в средней полосе России. Это исповедные ведомости, «брачные обыски», переписка фабрикантов и их управляющих XVIII века, подлинные указы правительства, — словом, ценнейшие источники по генеалогии и демографии русского крестьянства.

Много раз дирекция музея обращалась к «двадцатке» верующих с просьбой передать всё наиболее ценное в музей. Большинство верующих соглашалось, но их руководительница М. П. Аксёнова, идя против большинства, отказывала музею, и вещи оставались в церкви.

И вот что произошло.

Молодой парень, местный пастух Юрий Частов, взломал замок церкви и, ворвавшись в неё, начал ломом сокрушать всё, что попадалось под руку. Изуродованы оклады древних икон и евангелий, сломаны чаши, истоптаны свадебные венцы... Хулигана задержали, и он мотивировал своё преступление борьбой с религией. Не меньше и не больше! Борьбой с мракобесием.

Аргумент был изумителен и, по мнению Ю. Частова, неотразим, тем более, что несколько лет назад в районе подобная «борьба» с религией разрушила древнюю деревянную часовню в деревне Плечово. Были подобные случаи и в других местах области.

Однако вернёмся в Троицкое. Участковый уполномоченный В. А. Фадеев принял соответствующие меры, а руководитель «двадцатки» М. П. Аксёнова заперла церковь новым замком. Но когда стали документировать происшествие, оказалось, что вещи, изуродованные хулиганом, исчезли. Следствие раскроет все тонкости этого хитроумного хода церковников, и мы их предугадывать не будем. Обратимся к фактам.

На место происшествия выехали представители уголовного розыска, редакции газеты «Коммунар» и музея. Изуродованные серебряные изделия были найдены у сестры Частова — Лидии Андреевой и его отца Ивана Частова. Но ещё многого не хватало.

Представители общественности села тщательно осмотрели всю церковь, ничего не нашли и ключи вернули бабушке Маремьяне, а на другой день в церкви же была найдена железная коробка с остальными вещами.

В помещении Троицкого отделения связи при нас произошёл любопытный разговор.

Смирненная старушка Маремьяна Аксёнова, опустив очи долу, крестилась и божилась, что знать ничего не знает. Она петляла, как заяц, и вместо кражи толковала о колоколах, которые надо беречь.

Заведующая почтой Зинаида Степановна Ульянова её обличала:

— Как же ты не знаешь, Маремьяна Павловна, ключи-то у тебя были.

— Не иначе подкинули, — отвечает Аксёнова.

— Кто мог подкинуть, коли церковь ты заперла?

— Господь бог помог вернуться вещам, — смиренно шепчет руководительница «двадцатки».

— Ведь это святотатство — кража священных предметов, разве вы этого не понимаете? — вступает в разговор представитель музея.

— Господь так захотел. Я всё рассказала следователю.

На просьбу открыть церковь и снова всё осмотреть, Аксёнова категорически отказала и, шепча молитвы, удалилась. Тут, кстати, выяснилось, что десятилетний сын Ульяновой оказался членом «двадцатки», и немало удивился следователь, когда вызывал на допрос церковников.

Таковы факты.

Музей изъял из церкви немало того, что представляет художественную, научную и историческую ценность. На стихийно собравшемся сельском сходе выяснилось, что за те годы, пока у М. П. Аксёновой находились ключи, из церкви исчезли шёлковые ткани, вышитые и тканые полотенца, ковры, иконы и даже утварь (вот почему среди найденного против описи оказался «привес»).

Случай в селе Троицком заставляет насторожиться. В Переславском районе есть ещё несколько церквей, которые «хранят» религиозные общины. И, надо правду сказать, большинство их охотно передало музею всё ценное. А вот в селе Андрианове, где церковь бездействует много лет и переполнена вещами музейного значения, кто знает, целы ли они?

Не исключена возможность, что кое-где под флагом защиты своих мнений, спекулируя утверждённой Конституцией СССР свободой совести, представители общин верующих исподволь «святотатствуют», расхищая государственное имущество, переданное им по ленинскому декрету об отделении церкви от государства.

Пора положить этому конец.